

М а р т - 73

ИМПЕРАТОРСКИЙ КЛУБ СЕВЕРНЫЙ ОГОНЕК

Г. ВАСИЛЬЕВ

Видю, как в весенней
лесостепи,
У набухшей ленте большака,
Топели настраивают лапат
На назахоних струнах
ветерна.
Растворив голубенькие
ставни,
Слышит их накренившийся
дом.
А вверху задумчиво и плавно
Месяц идет по селу верхом.
Спит село. Трава росой
обмыта.

В гтьвах успокоились джиди.
А машины фырчат серанто,
Вызывая ведро впереди.
Я, наверно, с песней впопозаю,
Но к тому наведаюсь огню.
Слишком мало ездил
поездами,
Оставался верен востру и
коню.
Милый край и детство —
сохранились!
Вы ль меня не сможете
понять,
Что ст них беру я волю, силу,
Что без них мне в низини не
бывать!

Не помню, кому уж пришла в голову эта мысль, но подхватил ее все.
Стояла си в ер на я сырая погода. Апрель! Где-то зацветали яблони и шла полевая, а в Сургуте весна еще боролась за свои права. В котловане строительства пронизывающий ветер поднимал тяжелые от влаги хлопья снега и швырял их в лицо. Шел бетон. Машина за машиной сваливали дымящийся паром бетон в бадью.

Был четвертый день бетонирования плашки. Оставалось принять последние десять-пятнадцать кубов, когда кто-то сказал:
— Слушай, парни! Давайте заложим что-нибудь в бетон!
Никто сначала не понял. На лицах — недоумение.
— Минуту, что ли? Все засмеялись.
— Нет, что-нибудь напишем, запечатаем в банку или бутылку и заложим в бетон. Вдруг где-то лет через тысячу будут здесь искать и найдут наше послание.

— Ты что, думаешь через тысячу лет здесь так уж ничего и не будет? Ерунда это.
— Лучше сделать так: заложить где-то с краю около опалубки и поставить там не закладную пластину. А когда снимем опалубку, на ней сваркой

Но все уже загорелись идеей. Усталость не замечалась, хотя четверо суток бригаде пришлось работать по двенадцать часов, разделившись на два звена: иначе не хватало людей принять бетон непрерывно. Кто-то сбегал в контору участна и

пеем заложить. Наши просто. И вгнувшиеся на морозе пальцы первонным по черком вывели: «Нижняя плита фундамента первого турбогенератора Сургутской ГРЭС выполнена бригадой Сидорова с первого участка». Следовал перечень фамилий и дата.

— Расписывай с я, ребята, давай свои автографы потомкам.

Кто молча и торжественно, кто с улыбкой, но все одинаково взволнованно расписались. Потом заперли листок бумаги в целлофан и запечатали в бутылку. Быстро засунули под арматуру, прибили к опалубке закладную, и бетон скрыл в своей толще бутылку с посланием потомкам.

С того дни прошло много времени. Давно разобрали опалубку фундамента, смонтировали на ней турбину, выдали уже первый промышленный ток. Но надпись «Вскрыть в 2072 году» так и не сделали. Так и не сделали. Уж очень много дел было после этого.

Рассказ ПОТОМКАМ В 2072 ГОДУ

О. Осадчий
написать: «Послание потомкам! Вскрыть в 2072 году». Через сто лет.
— Вот-вот, — ехидно подхватил кто-то, — давайте заложим, а потом треснет в этом месте плашка или снимем опалубку, и будет в этом месте раковины, разобьют бетон, найдут наше послание. А, снажут, вот кто бранодельи.

принес целую пачку бумаги, другой — бутылку, третий — кусок целлофана.
— Завернем, чтобы не намочка бумага. А бригадир начал сочинять:
— Унажасные потомки! Нет, не то. Смятая бумага полетела в сторону. — Что же написать?
— Не тяни, а то забетонируем и не ус-

Н. ШАНСУТДИНОВ

Вездеход

По следу, последнему в эту весну,
Не выйдут ни кони,
ни трактор.
А этот ломает в апрельском снегу
Звенящие корни о траки.
Снег в пятнах бензина,
в газойле,
Их вязь
лосларит расцветкой
с коврами.
Вот путь.
Нам еще предстоит
его взять,
А он, как известно, коварен.
Он нежность к деревьям во
мне усмирит,
Льшь только споткнется
в сугробе
Машины.
И лезешь в болото грязь,
Маяя зеленые робы.
Мы путь замостили телами
берез.
Нам грустно. Мы медлим.

Он метры берет.
Формирует. От напряжения
дрожит,
В тайге и пустыне при деле.
Стою и завидую: прожита
жизнь.
На гребне, на грани —
пределе.

Строителям железной дороги Тюмень-Сургут

Действительно, не жалуйтесь,
не сетуйте.
Случается, и мне невмоту,
Когда дожди,
когда туман наседкою
Выслеживает белую звезду.
А наш костер хрустит себе
валежником.
Когда идем в край кедров
и болот —

Так образует слабое
волнение
Заброшенный перед судами
лот.
Идущим следом не до
удивления,
Признательной испарины
в глазах.
Мы проторили этот путь
оленьями,
Они же следом двинут
поезда.
У них есть план.
И вымеряй по графику
Часы — на отдых, сутки —
на деле.
Я сознаю, что все же не
потрафил б им,
В ненастный день безделья,
пожелав,
Так одари их, новый день,
заботами.
А за полночь прожектора
горят.
Покуда мы идем, в туман
замотаны,
За нами выбирают ягря.

Хоть на час, хоть проездом —
в деревню,
И под вечер, вихраст, босног,
Приникаю кобыльему дереву,
Привыкнув быть пациентом.
С детством связывать
радость, разлуки,
Но превыше сорпризов,
обид —
Как понятливы мамыны руки.
Тишиною и лаской облив.
Руки мамыны — срезы сосновых
В несходящих кольцах
морщин.
Песни мамыны — теплоту,
сонному.
А впоследствии песни мои.
Я остался бы смятой
пружинной.
Я дотошно вникал бы в изы.
Льшь бы только вовек
не пружило
Целиной материнской косьи.

Сельская околица. Фото Ю. Филатова.

ЗНАКОМЬТЕСЬ: ВЛАДИМИР НЕЧВОЛОДА

Недавно в Сургуте побывал референт бюро пропаганды художественной литературы Союза писателей РСФСР поэт Владимир Нечволода. Бюро помогает организацией творческих встреч писателей, поэтов, художников с труженниками нашего северного края.
Сам Владимир уже не первый раз на Севере. Коренной сибиряк, он побывал в Урае, Нижневартовске, Мегионе, Нефтеюганске, у наших соседей в Ямало-Ненецком округе. И книги стихов Нечволоды — о Родине, о льдах Тюменского севера, о их удивительных судьбах и делах, а любви. Тема Родины будет главенствовать и в третьей книге «Имя», которую готовит в свет Средне-Уральское издательство.
«Северный огонек» предлагает своим читателям подборку стихов Владимира Нечволоды. Еудем надеяться, что в скором времени появятся его стихи о Сургуте, городе, который, по словам поэта, растет и набирает силы, как сказочный богатырь.
Предлагаемые стихи навеяны личными впечатлениями поэта от поездок по нефтяному Приобью: когда-то рулевой Владимир Нечволода вел первую баржу с усть-балыкской нефтью, жил в балках, на трассе.

ТРАССА

Меня поражает работа на трассах.
Где нужно усиленным тысячь рук
Рукав нефтепровода выгнуть вправо
На многие, многие метры на юг.
В кострах выгорают резина баллонов,
И терлок над просекой медленный дым,
И парни, встречая вас взглядом спокойным,
Кивком пригизают к беседам своим.
Я был здесь испытан на честность и веру,
На тягу и спиритному и жажду добра.
Меня здесь встречали мальчишкою нервным,
Мужчиной уже провожали вчера.
Дороги таежные,
Рев вездеходов,
И зыбкие гати на сплотах болот,
И крики далеких обских пароходов,
И в небе кузнецкий стальной — вертолет.
А мир поделен на палатки и нары,
На землю большую и фото подруг...
Все чаще старею в учебниках нарты,
Все новые трассы уходят на юг!

БАЛОК

Балон — это значит бревенчатый дсмик
С временкою-течюю и нарами в ряд.
А может быть, койками:
где как удобней.
«Балок — он таежник», —
у нас говорят.
Ругают и хвалят его ежечасно.
Какой там уют — лишь во сне забытые.

И возят его на полозьях по трассам,
Как самое главное в мире жилье.
Когда-то с палаток — канала Волго-Дона,
Магнитку — с землянок, кулей на плечах,
А ныне истории стало уютно
С балков становление Сибири начать.

СКУЛЬПТОР

Он уходит утром тропкой влажною
В лес к полянам, где деревья сухи.
Как слепой, ощущивает каждое
И к стволу прикладывает ухо.
Не беда, что высохло мотучее.
С чурбаком вернувшись в мастерскую,
Набивает трубку от задумчиво-
Оборотень-дым над шей колдует:
Распластает крылья веющим воронном,
В плас шамазом пустился азартно,
Или заскользит тихонько в сторону
В две дорожки, словно след от нарты.
А художник медлит в ожидании,
Шевелит губами осторожно,
Вот ожило в воздухе предание,
И тогда резец берет художник,
Лезвием легко намечет линии,
Чтоб не повредить лесную душу.
И лицо доверчивое выгладет,
Словно из лезенка,
Из-под стружек.